

ОДИН К ОДНОМУ

Д. ТУРЕНУМ

1:1

2002

Дмитрий Гуренич

Один к одному

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Гуренич Д.

Один к одному / Д. Гуренич — «ЛитРес: Самиздат», 2002

Ремейк рассказа А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича". Главный герой - американский программист, выходец из бывшего СССР. Действие происходит в Новой Англии и охватывает один зимний вечер в 2002 году. С небольшими сокращениями рассказ был впервые опубликован в том же году в альманахе "Лебедь" (Бостон).

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Оформление обложки Ю. Меклера

Бездна звала своих детей назад.

*А. Солженицын
“В круге первом”, т.1, гл.24.*

Было пять часов вечера, когда стало окончательно ясно, что пора собираться домой, а за окном было уже как посреди ночи – всё тьма и тьма. В окно офиса попадало три жёлтых фонаря: два на стоянке и один снаружи, но лишь погасив свет и прижавшись лбом к холодному стеклу, можно было разглядеть в очерченном фонарём конусе света летящую с неба колючую мокрую смесь, да ещё, скосив глаза вниз, ухватить полоску обледенелого тротуара возле банка напротив.

Обычно Шехтман не торопился уходить с работы пораньше, но сегодня еле досиживал из последнего. Ещё с утра показалось ему, что он заболевает, а теперь к саднящему с ночи горлу прибавилась головная боль, и поясница не то чтобы заболела, а вроде как начало её ломать сбоку. Не поймёшь, то ли от простуды, то ли от того, что намахался с утра в снегу лопатой.

Шехтман представил, как сейчас будет он разогревать машину и скоблить ветровое – остальные уж как-нибудь – стекло, а до того ещё как бы не пришлось, сняв рукавицу, отогреть замерзший замок стремительно стынущей ладонью и как будет его знобить и ломать все эти десять долгих минут, что надо будет прожить с того мига, когда, замотавшись шарфом и засунув руки поглубже в карманы, он шагнет из освещенного вестибюля в стылую темень бескрайней парковки, до той сладкой минуты, когда окна в машине оттают и печка начнёт давать влажное поначалу тепло.

Езды по такой погоде станет никак не меньше минут пятидесяти, и чем позже он сейчас выйдет, тем больше других таких же окажется с ним вместе на дорогах графства и тем больше времени уйдёт на то, чтобы преодолеть эти девять с половиной миль, отделяющие его от горячего душа, таблетки тайленола и стакана виски. И пледом накрыться бы. И поверх пледа навалить чего-нибудь потяжелее. А уж кормят пусть бульоном пустым, лады.

В окнах верхних этажей банка начали один за другим гасить свет – значит, край выходит: ещё четверть часа и банковские запрудят своими тачками весь проезд от слепой глыбы бывших складов до торчащей арматуры недостроенного виадука, и жди потом своей очереди, чтобы вывернуть на левую стрелку, – когда пять минут, а когда и поболее. Это как кому повезет.

Шехтман проворно сунул ноги в стоявшие тут же под столом жёлтые с чёрным чоботы – резиновая обувка, след автомобильный. Кто-то придумал надевать их поверх башмаков, чтоб ноги не промокали, и правда, Шехтман заметил, помогает. У многих теперь такие чуни, торгуют ими повсюду. Шнуровать их особо не надо, раз-раз и готово, теперь полушубок кожаный, рукавицы – вот они, шарф – по дороге наматываем, а шапку – уж чего-чего, а чтоб шапку носить, так себя Шехтман не опускал, и хоть в тридцатиградусный мороз, хоть бы и с простудой, а ходил только без шапки.

Перед лифтами народ уже затолпился, видать, давно не было чтой-то. Джефф Мак-Лафлин, стоя тут же, возле, в таких же как у Шехтмана чунях, возмущался громче всех и говорил, что начальство на сороковом этаже нарочно велит секретаршам задерживать лифты наверху, чтобы они всегда были для них наготове, как лимузины. Увидев Шехтмана, Мак-Лафлин заулыбался, обнажая утыканые ровненькими имплантами десны: как поживаешь, я, мол, хорошо.

Хорошо-то хорошо, а у самого волос осталось только на затылке перья седые, да и плечи повисли. На вид, по Мак-Лафлину четыреста первый план¹ не первый год плачет, а ведь они с Шехтманом почти как близнецы, родились в один год и один месяц. Мак-Лафлин старше на три дня. Обыкновенно, встречая Мак-Лафлина, Шехтман говорил Богу спасибо за то, что жизнь потрепала его меньше, чем одногодка. Вон и ярлык у того сзади на штанах, а на нём размер: W38 L30. Шехтман скорее дал бы себя загнать насмерть на беговой дорожке или оторвал бы ярлык, чем позволил бы кому-нибудь прочесть на своём заду такие цифры. Но сегодня почему-то при виде шотландца пришла в голову совсем другая мысль: что не в том печаль, что Мак-Лафлин выглядит намного старше своих лет, а в том, что это ему, Шехтману, столько же лет, сколько этому старому дядьке.

Шехтман посчитал так, что быстрее уже будет пешком по лестнице, но тут пришли сразу три кабины и оказалось даже вроде как просторно. Плоский настенный телеэкран, тут же в лифте, мельтешил, как всегда, непонятно: опять кого-то судят, тридцать пять процентов всех домашних котлов страдают ожирением, на вероятность новых террористических атак приходится остальные шестьдесят пять процентов, и, наконец, главное – погода. Все в лифте даже дышать перестали, а ну как будет завтра настоящая снежная буря и можно будет по домам сидеть. А тут дышать, не дышать – не влияет. Не будет нам снежной бури, а будет все тот же мелкий, замерзающий на лету дождь со снегом и всё те же тридцать градусов мороза. Тридцать по-тутошнему – это по Цельсию минус один.

На седьмом этаже ещё вошли двое. Потесниться пришлось. Один сразу стал в телекамеру пялиться, а другая глаза отводить и вздыхать. Шехтман тоже засуетился, туда-сюда, на часы смотреть, рукавицы вынул. А всё затем чтоб не здороваться. И те двое ни гу-гу. Может, где-то ещё и другие порядки, в Нью-Йорке вон, говорят, чуть ли не на ланч вместе ходят, а здесь если кто из русских другого встречает на работе или там на бензоколонке, то поздороваться – ни-ни, тем более по-русски. С п о н т о м: де, не догадываешься, что русские перед тобой. Показать, что узнал, считается вроде как неаккуратно. С одной стороны подумать – глупо, а разобраться – так нет. С чего бы это Шехтману первому здороваться? Он из Москвы, а эти ещё не пойми откуда. Да и неизвестно, давно ли они тут, у тетки вроде зуб золотой блеснул, а у мужика кольцо обручальное на правой руке. А Шехтман уж и в какой руке за столом ножик держать забыл, чего же ему теперь здороваться!

Да и никто в лифте этим двоим особо не кивнул. Только Мак-Лафлин осклабился. Так ему что, он по железу больше, они для него все, поди, на одно лицо: что Шехтман, что Падманабхан Джонналагадда-Рао, что эти. Это ведь с виду только все работяги одинаковы, у всех одна версия стоит и одни номера драйверов. А между собой-то шибко неравно, ступеньками идёт. Джонналагадду, небось, не научишь на ассемблере писать, а вон и Шехтман не всякий интерфейс ковать согласится. Есть пониже.

Эти двое придурков с седьмого этажа вообще сами ничего не могут. Ни баз данных, ни алгоритмов, ни даже пользовательского интерфейса. Могут только к чужой работе придираются и стучать в багтрекер. Дык хоть бы могли там по-людски написать, а то лепят "выдаёт ошибку", а какую, когда, что в логге – этого не спрашивай. Три года назад, когда подходил двухтысячный, в чью-то умную голову пришло, что об эти нули всё должно споткнуться и остановиться, и дальше не считать. Тогда каждого, кто мог отличить шлакоблок от аммонала, хватали на улице, обучали за три месяца вводить пароль и совали в зубы осьмушку бумаги, на которой писали имя – у кого какое – и сбоку две буквы: Q и A. По этим двум литерам всем круговую давали сорокатысячную пайку и сажали с ней гужеваться в кьюбикл. А там плэйер, наушники, и работу спрашивали только на третьи, шестые и девятые сутки.

¹ Федеральный план 401(k) – одна из многочисленных государственных программ в США, позволяющих рабочим и служащим делать отчисления в частные пенсионные фонды, получая при этом налоговые льготы.

Но чтой-то заколодило у начальства с этой задумкой. Вот уже второй год как то одного, то другого такого стукача встречали на итальянской Ривьере с выходным пособием за пазухой. И поломали те две буквы, перестал народ на них кидаться, а стали каждый снова писать код кто как хочет. Вышло как после того, с дотками. Тоже туфта была еще та, а снесло подчистую. Не удержался тогда Шехтман, подумал: долго же ты, Господь, терпишь, да больно бьешь.

Одного такого шакала Шехтман и сам знал. Был тот не то администратором в театре, не то редактором в издательстве, но буквы знал английские. Пристроился сначала в банк на те самые кью-эй, потом в дотком. Чему-то подучили его там – всё ж не уколы внутривенные – и, недотыка ж хренова, решил себе тачку немецкую купить. Как раз в понедельник десятого сентября и купил. А когда дым рассеялся, про тот дотком уже мало кто вспоминал. Администратор! Возит теперь пиццу на своей немецкой тачке. Человека можно и так повернуть, и так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.